А. Заринъ

1917 28 1918

Февраля

Великая годовщина

Типографія А. В. Владимірскаго.
Екатерининскій кан., д. 31.

А. Заринъ.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Великой Русской Революціи

1917 27 ФЕВРАЛЯ / 12 МАРТА 1918 г.

Предисловіе.

Въ нашей многовѣковой русской исторіи нѣтъ и не будетъ болѣе великихъ, болѣе значительныхъ дней, чѣмъ дни отъ 23-го февраля до 6-го марта, и среди нихъ день 27-го февраля 1917 г., когда народъ сбросилъ съ себя третье счетомъ ненавистное иго.

Первое иго—было иго татарскаго владычества надъ русской землею. Вторымъ игомъ—было позорное рабство, крѣпостное право, и третье, которое тяготѣло надъ Русью слишкомъ 3 вѣка,—самодержавіе царей изъ дома Романовыхъ.

Народъ сбросилъ его и завоевалъ себѣ величайшее изъ благъ—благо политической свободы.

День 27-го февраля является великимъ, незабвеннымъ днемъ, отъ котораго начинается эра новой русской исторіи, исторіи свободнаго русскаго народа.

Въ этомъ, 1918 году, мы празднуемъ первую годовщину этого великаго дня, этого великаго переворота, и хочется оглянуться назадъ и мысленно снова пережить тѣ дни, воспоминанья о которыхъ для насъ должны быть незабвенны.

Съ этою цѣлью и написанъ обзоръ.

Это не исторія. Для исторіи время еще не настало, потому что мы сейчасъ живемъ въ кипѣніи революціи, когда ведется борьба, выясняются понятія, устанавливаются взаимоотношенія.

Это просто обзоръ событій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, которыя въ тѣ дни промчались передъ нами бурнымъ ураганомъ, оставивъ впечатлѣніе великой радости, великаго торжества.

Читатель, прочитавъ книжку, воскреситъ въ своей памяти пережитыя имъ волненія и радость

великихъ историческихъ дней, и, быть можетъ, почерпнетъ бодрость съ надеждою смотрѣть на будущее и вѣру въ то, что народъ, сумѣвшій такъ легко и безболѣзненно сбросить съ себя тяжкій гнетъ самодержавія, сумѣетъ отличить ложь отъ правды, друзей отъ враговъ и найти правильный путь къ счастью и процвѣтанью своей родины.

Послѣдній годъ царствованія Николая II.

1916 годъ приходилъ къ концу, полный зловѣщихъ предзнаменованій. Народъ изнемогалъ отъ тягостей войны. Страна оскудѣвала. Рабочіе волновались, лучшіе люди подвергались гоненіямъ, худшіе торжествовали. Царь, окруженный негодными людьми, пребывалъ въ преступномъ равнодушіи и проводилъ время въ пьянствѣ, безпечномъ веселіи и въ бесѣдахъ съ Распутинымъ. Царская жена,—по рожденію, воспитанію, по духу, гордая нѣмка,—презирала все русское, подчинялась всецѣло вліянію распутнаго Распутина и по его совѣтамъ руководила политикой, ведя страну къ униженію и гибели.

Въ ноябрѣ громомъ пронеслись по Россіи рѣчи съ трибуны Гос. Думы. Былъ разоблаченъ Штюрмеръ, была выяснена роль Распутина, но царь съ царицею оставались презрительно равнодушными. Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря раздался револьверный выстрѣлъ, положившій конецъ распутинской жизни, и всѣмъ на мигъ показалось, что этотъ выстрѣлъ разсѣетъ нависшій кошмаръ и образумитъ царя, пьянствующаго въ ставкѣ, и царицу, злобствующую въ Царскомъ Селѣ.

Произошло обратное.

Выстрѣлъ не разсѣялъ, а сгустилъ тучи, нависшія надъ страною. Обезумѣвшая отъ злобы царица стремилась къ мести за потерю Распутина. Царь сочувствовалъ ей въ ея горѣ, и поддерживалъ ее въ ея гнѣвѣ. Наступила темная реакція. Ко двору были приближены: Добровольскій, кото-

раго сдѣлали министромъ юстиціи за то, что онъ выдавалъ себя за медіума и вызывалъ духъ Распутина; Протопоповъ, котораго вліяніе усилилось и который выдавалъ себя за воспринявшаго духъ Распутина; Питиримъ, который чинилъ обрядъ погребенія Распутина. При дворѣ образовался распутинскій культъ, и ни одна страна не переживала такого позора, какой выпалъ на долю Россіи.

Протопоповъ неистовствовалъ.

Гоненія на печать дошли до того, что выходящія газеты представляли собою столбцы бѣлыхъ полосъ. На издателей сыпались штрафы. Писатели высылались изъ столицы. Всякіе собранія и съѣзды запрещались, закрывались, разгонялись. Возмущеніе росло и снизу—въ средѣ рабочихъ и солдатъ, и сверху—среди царской фамиліи и придворнаго круга.

Революція казалась неизбѣжной и въ то же время ея боялись, но чуткіе люди уже слышали гулъ надвигающейся грозы.

Обыски, аресты, гоненія, боязнь за завтрашній день, растущая нищета и рядомъ съ этимъ вызывающія роскошь и расточительность.

Спекулянты, мародеры, казнокрады, грабители, казалось, стремились поразить всѣхъ своимъ распутствомъ. Запрещенное вино лилось рѣкою. Развратъ и разгулъ пріобрѣли невѣроятные размѣры. Бѣшеная игра въ карты, бѣшеная игра на биржѣ, швыряніе деньгами, а тутъ же рядомъ всевозможныя лишенія, холодъ и голодъ. Оплата труда рабочихъ и средняго класса оставалась та же, а цѣны на продукты были подняты спекулянтами и мародерами до предѣловъ. Мясо продавалось по 1 р. 35 коп. за фунтъ, мука по 20 коп., курица стоила 6 рублей. И всего было мало.

Недовольство росло, и страна съ проклятіемъ провожала годъ, полагая всѣ надежды на 12-е января, когда ожидалось открытіе засѣданій Государственной Думы.

Такъ, среди возмущенія, бѣдствій и лишеній, рядомъ съ наглымъ распутствомъ, подъ гнетомъ гоненій реакціоннаго неистовства и разнузданнаго произвола, закончился 1916 годъ, послѣдній годъ царствованія Николая II.

Оставался мѣсяцъ.

Послѣдній мѣсяцъ царствованія Николая II.

Новый годъ не принесъ ничего утѣшительнаго. Населеніе голодало и мерзло въ нетопленныхъ домахъ. Солдаты устали. Дороговизна росла, а рядомъ съ этимъ встрѣча Новаго года въ Петроградѣ и Москвѣ носила какой-то безумный вакхическій характеръ. Рестораны были полны, лилось шампанское, ресторанные счеты доходили до 3,000 руб.

Словно образовалось два враждебныхъ лагеря. Рабочіе и все трудовое населеніе съ интеллигенціей—съ одной стороны, а съ другой—Царское Село съ злобной Алисою, ставка съ полупьянымъ царемъ и вокругъ нихъ министры лакеи съ Протопоповымъ и Питиримомъ.

Рабочіе глухо роптали и только благоразуміе воздерживало ихъ отъ открытаго выступленія. Солдаты, наполнившіе Петроградъ, оставались неразгаданными, но и среди нихъ назрѣвало недовольство, хотя воля и чувства ихъ были скованы желѣзною дисциплиной.

Въ глухихъ улицахъ и на площадяхъ въ зимнюю непогоду и распутицу ихъ можно было видѣть производящими ученіе. Съ палками въ рукахъ они маршировали, бѣгали, стояли, ложились. Это готовились войска для битвъ, а войны не было.

На боевомъ фронтѣ солдаты бездѣятельно сидѣли въ окопахъ, зябли, заболѣвали тысячами. Враги были также недвижны и, казалось, словно заключено было тайное перемиріе. Недовольство было всеобщее; всѣ съ нетерпѣніемъ и надеждою ждали 12-го января, дня открытія Государственной Думы. Этого дня ждали, какъ боевого. Всѣмъ

было извѣстно, что Дума не допуститъ появленія Протопопова и готовитъ декларацію. Въ свою очередь, знали, что Протопоповъ, получивъ при дворѣ довѣріе, опираясь на черносотенныя организаціи, замышляетъ роспускъ Государственной Думы и примѣненіе самыхъ репрессивныхъ мѣръ. Успѣхъ покойнаго Столыпина не давалъ ему покоя. Съ наглой самоувѣренностью онъ обманывалъ и обольщалъ царя. Думы съ ея негодующими рѣчами онъ боялся, и 6-го января возмущенное общество прочитало рескриптъ, которымъ созывъ Думы откладывается до 14-го февраля. Произошелъ взрывъ негодованія и въ отвѣтъ усилилось гоненіе на печать, участились обыски и аресты, которые производили и въ средѣ рабочихъ, и въ средѣ аристократіи.

Въ Петроградѣ распространился слухъ о покушеніи на жизнь Алисы. Обыски и аресты усилились.

Бѣдствіе населенія росло вмѣстѣ съ возмущеніемъ, когда 8-го числа появился ничтожный рескриптъ царя, въ которомъ онъ поручалъ предсѣдателю совѣта министровъ совмѣстно съ Думою и земствами озаботиться вопросомъ о продовольствіи арміи и тыла.

Рескриптъ былъ ненужной бумагою. Продовольствіе страны было нарушено. Подъѣздныя средства разстроены и возстановить порядокъ правильнаго снабженія продуктами тыла и арміи было уже почти невыполнимо.

Недовольство росло. Подлое усердіе Протопопова словно лило смолу на сухой хворостъ и достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ.

Дороговизна росла день ото дня, дѣлая жизнь невозможной. Недостатокъ продуктовъ увеличивалъ общія затрудненія. Подлѣ лавокъ росли невѣроятныя очереди. Женщины становились въ очереди съ ранняго утра и по шесть, по семь часовъ стояли въ хвостахъ, ожидая возможности

получить хлѣбъ, мясо, молоко, масло. Ко всему наступили жестокіе морозы и въ эти морозы дровяники-мародеры подняли цѣну на дрова до 40 р. за сажень дрянныхъ осиновыхъ дровъ.

Правительство чувствовало надвигавшуюся грозу, но Протопоповъ въ безумномъ самомнѣніи и преступной наглости готовился разсѣять ее кровью и висѣлицами.

Успокаивая равнодушнаго царя и безумствующую царицу, онъ умышленно сталъ вызывать общественное недовольство, усиливъ преслѣдованіе печати, производя ежедневные обыски и аресты. Не разрѣшая ни одного съѣзда, онъ разрѣшилъ съѣздъ монархистовъ и, наконецъ, съ прямо провокаціонной цѣлью, въ ночь на 27-е января произвелъ въ средѣ рабочихъ массовые обыски и арестовалъ въ центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ, группу рабочихъ, въ числѣ 15 человѣкъ.

Обезумѣвшая власть словно ослѣпла и не шла ни на какія уступки. Страна утомилась и кипѣла недовольствомъ. Напряженіе достигало предѣла.

Мѣсяцъ январь закончился циркуляромъ Протопопова къ губернаторамъ съ приказаніемъ запрещать на собраніяхъ и съѣздахъ резолюціи политическаго характера.

Такъ испуганный страусъ прячетъ голову подъ крыло.

Окончился послѣдній мѣсяцъ царствованія Николая II. Оставались дни.

Надвигалась гроза.

Послѣдніе дни царствованія Николая II.

Въ Царскомъ Селѣ творилось безуміе. Царь съ царицею, Вырубова, Протопоповъ и Добровольскій въ особой комнатѣ, посвященной памяти Распутина, садились за столикъ и открывали спиритическіе сеансы. Вызывали духъ Распутина и онъ диктовалъ свои отвѣты на вопросы, свои совѣты, свои приказанія. Такъ рѣшались вопросы внут-

тренней и внѣшней политики, смѣщались и назначались министры. Жестокіе морозы, которые наступили снова послѣ короткаго перерыва, причиняли бѣднѣйшему населенію и рабочимъ страданія. Дровяники подняли цѣны на дрова, но и по огромнымъ цѣнамъ въ дровахъ былъ недостатокъ. Недостатокъ чувствовался во всемъ, и съ 1-го числа вышло запрещеніе выпечки сдобныхъ и сладкихъ булокъ, пирожныхъ и тортовъ. Но не было и черного хлѣба. У лавокъ часами стояли неоглядные хвосты и кругомъ поднимался глухой ропотъ.

Морозъ, недоѣданіе, общее недовольство, надежды на Государственную Думу и въ это время масленица съ необычайнымъ разгуломъ.

Что-то зловѣщее было въ этомъ разгулѣ, рядомъ съ которымъ усиливалось броженіе въ недовольныхъ рабочихъ классахъ и, какъ паръ изъ нагрѣтаго котла, мгновеніями вырывалось наружу.

Командующій петроградскимъ округомъ, генералъ Хабаловъ выпустилъ обращеніе къ рабочимъ, полное тайной угрозы. Одновременно съ нимъ Милюковъ выпустилъ также обращеніе съ увѣщеваніемъ и просьбою сдержать справедливое нетерпѣніе. Это было 10-го февраля, въ пятницу, а въ субботу масленичный разгулъ достигъ своего апогея. Не помѣшали ни 20-градусный морозъ, ни безумная дороговизна.

Въ городѣ носились зловѣщіе слухи, черезъ три дня должна была открыться Государственная Дума. Говорили, что рабочіе собираются итти къ Таврическому дворцу, какъ нѣкогда шли къ Зимнему, и что Протопоповъ съ Хабаловымъ готовятъ для ихъ встрѣчи ружья и пулеметы, какъ было 9-го января 1905 года.

Становилось жутко отъ слуховъ, отъ бѣдствій и лишеній, отъ явной вражды правительства къ народу и ненависти народа къ правительству.

Другъ передъ другомъ стояли враги, готовые

къ бою: народъ съ Государственною Думою и Царское Село со своими приспѣшниками.

Гроза приближалась. Протопоповъ, желая предупредить ее, разсылалъ своихъ агентовъ по рабочимъ кварталамъ и они подбивали рабочихъ къ торопливому выступленію, но рабочіе еще сохраняли спокойствіе, хотя съ трудомъ сдерживали свое негодованіе. Ждали открытія Государственной Думы.

14-го числа состоялось тихое открытіе засѣданій Государственной Думы.

Предсѣдатель Родзянко получилъ предупрежденіе, что въ случаѣ проявленія рѣзкой оппозиціи правительство не остановится передъ роспускомъ Думы.

Провокація не удалась.

Скрытые Протопоповымъ пулеметы оказались пока ненужными. Рабочіе не выступили. Открытіе засѣданій произошло безъ волненій, но Протопоповъ не рѣшился показаться въ Думѣ.

Въ рабочихъ кварталахъ недовольство усиливалось и росло. Уже не хватало хлѣба. Женщины по цѣлымъ часамъ простаивали у лавокъ и возвращались домой безъ хлѣба. Въ то же время среди рабочихъ полиція производила массовые обыски, каждый день выхватывала изъ ихъ среды лучшихъ людей. На заводахъ и фабрикахъ появились воззванія рабочихъ партій.

22-го числа былъ закрытъ Путиловскій заводъ, по причинѣ непрекращавшагося броженія среди рабочихъ.

Этотъ день можно считать послѣднимъ днемъ царствованія Николая II, потому что съ этого дня обаяніе державной власти исчезло и царь обратился уже въ колеблющійся призракъ, который долженъ былъ исчезнуть съ первымъ лучемъ загорѣвшейся зари свободы.

— —

Начало волненій.

23-е февраля было первымъ днемъ событій, которыя привели къ государственному перевороту и положили начало великой революціи.

Казалось, никто не ожидалъ, что событія развернутся съ такой ураганной быстротой и приведутъ къ такимъ результатамъ; но, если оглянуться назадъ и прослѣдить нарастаніе народнаго гнѣва, то станетъ до очевидности ясна логическая послѣдовательность всего совершившагося.

На 23-е февраля было назначено празднованіе международнаго женскаго дня, въ который фабричныя женщины и дѣвушки собирались выступить съ мирной демонстраціей. Въ этотъ день забастовали всѣ, работавшія на ткацкихъ фабрикахъ выборгскаго раіона, женщины и дѣвушки, и цѣлый день ходили огромными толпами по Сампсоніевскому проспекту, стараясь прорваться въ городъ, но конная и пѣшая полиція, частью казаки, сдерживали толпу женщинъ и подростковъ. Огромный Путиловскій заводъ былъ уже закрытъ, за Нарвской и Московской заставами послѣ обѣда забастовали всѣ рабочіе. Собрались громадныя толпы и волною хлынули въ городъ.

Слышались пѣніе русской марсельезы, крики: «Хлѣба»! и изрѣдка раздавался возгласъ: «Долой войну»!

Шумящими волнами народъ катился къ Казанскому собору, но тамъ полиція и казаки гнали всѣхъ на Гороховую улицу, и толпа разбивалась на кучки. Не было ни выстрѣловъ, ни озлобленія.

Вся демонстрація казалась несерьезной и улеглась съ наступленіемъ темноты, но это только казалось.

Протопоповъ счелъ нужнымъ проявить усердіе, и ночью приказалъ произвести массовые аресты. Въ одномъ нарвскомъ раіонѣ было арестовано 400 рабочихъ. Тоже и въ другихъ раіонахъ.

Волненіе усилилось; рабочіе возмутились. На другое утро, 24-го числа, возмущеніе перекинулось во всѣ части города, во всѣ рабочіе кварталы. Съ ранняго утра толпы собирались подлѣ лавокъ и кричали: «Хлѣба»! Раздался звонъ разбитыхъ стеколъ, разметали нѣсколько лавокъ, и многотысячныя толпы двинулись опять въ Петроградъ, на Невскій, и полиція съ казаками не могла задержать стихійное движеніе.

Трамваи остановились. Съ обѣда опять стали бастовать одна за другой фабрики, и рабочіе присоединялись къ толпѣ.

Площадь передъ Николаевскимъ вокзаломъ была запружена народомъ. Толпа рабочихъ двигалась по Литейному проспекту къ Невскому. Другая толпа шла по Садовой. Народъ лился рѣкою съ Петроградской стороны и Васильевскаго острова.

На всѣхъ углахъ, стѣнахъ, фонаряхъ бѣлѣло объявленіе генерала Хабалова, въ которомъ онъ призывалъ населеніе къ спокойствію, грозя оружіемъ. Но на эту ничтожную бумажку никто не обращалъ вниманія. Она казалась исполненной безсилія. Рабочіе почему то были убѣждены, что солдаты въ нихъ стрѣлять не будутъ.

Однако, были выстрѣлы, были кровавыя столкновенія, были жертвы.

Стрѣляла и рубила, главнымъ образомъ, полиція.

Рабочіе были безоружны, но относились беззлобно къ полицейскимъ выступленіямъ, чувствуя за собою силу. Когда же встрѣчалось столкновеніе съ солдатами и казаками, они старались вызвать ихъ на единеніе и дружбу. Едва появлялись мчащіеся казаки, какъ толпа разступалась, и воздухъ оглашался криками: «Ура»! Рабочіе махали шапками и привѣтствовали казаковъ. И солдаты опускали ружья, а казаки скакали вдоль Невскаго, не причиняя никому вреда. Толпы ра-

бочихъ, словно гуляя, ходили по Невскому, пѣли марсельезу, кричали: «Хлѣба», «Долой войну» и «ура», когда встрѣчались съ войсками.

Это была мирная демонстрація, хотя то тамъ, то здѣсь раздавались выстрѣлы, залпы и были раненые и убитые.

Такъ, съ крыши Пассажа вдругъ загремѣли предательскіе выстрѣлы и сразили нѣсколько человѣкъ.

Въ разныхъ частяхъ Невскаго, на Казанской и Знаменской площадяхъ собирались митинги и произносились горячія рѣчи о текущемъ моментѣ.

Правительство встревожилось. Въ Государственной Думѣ поднялся вопросъ о предупрежденіи возможнаго кровопролитія. Вечеромъ, въ 9 ч., въ Маріинскомъ дворцѣ собралось экстренное собраніе, чтобы разрѣшить вопросъ о снабженіи продовольствіемъ населенія.

Въ совѣщаніи принимали участіе всѣ министры, за исключеніемъ прятавшагося Протопопова: предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ, предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко, предсѣдатель губернской земской управы Е. И. Яковлевъ и городской голова П. И. Лелявовъ.

На совѣщаніи рѣшено было передать все дѣло продовольствія въ вѣдѣніе городского самоуправленія и ввести въ обращеніе карточную систему на полученіе хлѣба. А народъ волновался, какъ взбаломученное море, и по городу уже гремѣли ружейные залпы и трещали пулеметы.

Объ этомъ озаботился Протопоповъ, и слѣдующій день, 25-е февраля, былъ самымъ кровавымъ днемъ за короткое время переворота.

Заботливый Протопоповъ готовился къ кровавому подавленію возстанія уже съ первыхъ чиселъ января. Онъ—по освѣдомленіямъ охраннаго отдѣленія—ждалъ выступленія рабочихъ на 12-е января по поводу отсрочки открытія Государ-

ственной Думы. Въ ночь на 7-е января въ домѣ градоначальника произошло преступное совѣщаніе, заговоръ противъ народа, на которомъ присутствовали самъ Протопоповъ, градоначальникъ Балкъ, начальникъ охраннаго отдѣленія ген. Глобачевъ, представитель отъ жандармскаго корпуса ген. Горленко и всѣ полицеймейстеры. На совѣщаніи было рѣшено увеличить полицейскіе кадры, привлечь полицію изъ уѣздовъ, снабдить всѣхъ винтовками послѣдняго образца и достать пулеметы.

Пулеметы были доставлены 11-го января изъ Ораніенбаума и размѣщены по чердакамъ и на крышахъ, намѣченныхъ по плану домовъ въ тѣхъ улицахъ, по которымъ ожидалось движеніе рабочихъ.

12-го января рабочіе остались дома. Полиція вспомнила, что городовые не обучены обращенію съ пулеметами, и тотчасъ дѣятельно принялась за обученіе ихъ стрѣльбѣ.

Протопоповъ рѣшилъ предупредить выступленіе, вызвавъ его искусственно въ день открытія Государственной Думы, 14-го февраля.

Городовымъ были обѣщаны громадные оклады, по 60 и 100 руб. въ день. Провокація не удалась; но зато теперь Протопопову пригодились всѣ приготовленія.

Въ ночь съ 24-го на 25-е число пулеметы вновь были разставлены по намѣченнымъ мѣстамъ. Когда выяснилось, что солдаты врядъ ли на этотъ разъ будутъ стрѣлять въ народъ, Протопоповъ обратился къ генералу Хабалову съ просьбою доставить солдатскія шинели, и въ день 25-го февраля полиція исчезла съ петроградскихъ улицъ. На всѣхъ углахъ стояли конные и пѣшіе солдаты.

Такъ приготовился Протопоповъ къ усмиренію рабочихъ. Онъ не могъ понять глубины движенія, а движеніе разрасталось и становилось стихійнымъ.

Дни перелома.

Это были 25 и 26 числа, когда, несмотря на возстаніе рабочихъ, старый строй могъ еще удержаться на наше горе.

Этого не случилось.

25-го была суббота, 26-го воскресенье. Всѣ фабрики и заводы безъ исключенія бастовали. Трамваи не вышли изъ парковъ, не печаталась ни одна газета. Все рабочее населеніе вышло на улицу съ красными флагами, съ криками «хлѣба» и «долой войну». Еще не раздавалось крика «долой самодержавіе», и народъ безсознательно творилъ революцію.

Ходили съ пѣніемъ, останавливались толпами и слушали митинговыя рѣчи. Митинги образовывались всюду на каждомъ углу. Это выступленіе производило бы впечатлѣніе шумнаго праздничнаго гулянья, если бы не было стрѣльбы и сверкающихъ шашекъ.

Протопоповъ не дремалъ.

Полицейскихъ не было. Повсюду стояли отряды переодѣтыхъ солдатъ, и то здѣсь, то тамъ происходили разстрѣлы. Повсюду стояли отряды конныхъ переодѣтыхъ солдатъ, и то здѣсь, то тамъ они бросались на толпу въ шашки.

Остановить натиска толпы они не могли. Заградить дорогу въ центръ города для нихъ было непосильно, и они производили безцѣльные разстрѣлы на перекресткахъ улицъ и на проспектахъ.

Главныя скопленія народа были у Казанскаго собора, подлѣ городской Думы и Публичной библіотеки, на площади Николаевскаго вокзала, вокругъ помятника. Какой-то шутникъ, уже успѣлъ нацѣпить на бронзоваго коня статуи красный бантъ, и грузный всадникъ на грузномъ конѣ, казалось, смотрѣлъ на шумящее море головъ съ изумленіемъ и злобою. Толпы рабочихъ слушали митинговыя рѣчи. Толпы подростковъ

и женщинъ съ пѣніемъ и криками ходили по Невскому. На нихъ мчались казаки, а толпа махала шапками, платками и кричала «ура». Всѣ чувствовали, что казаки уже не будутъ разстрѣливать безоружныхъ, а къ вечеру уже всѣ видѣли въ казакахъ друзей народа.

На площади у вокзала собралась толпа. Полицеймейстеръ съ отрядомъ конной полиціи бросился на нее. Раздались выстрѣлы. Полицеймейстеръ застрѣлилъ одного рабочаго. Въ ту же минуту одинъ изъ казаковъ находящагося тутъ же отряда взмахнулъ шашкой, и полицейместеръ упалъ съ разсѣченной головою. Еще мгновеніе и казаки налетѣли на отрядъ конной полиціи, которая испуганно бросилась спасаться вразсыпную. Толпа восторженно привѣтствовала казаковъ и крики «ура» пронеслись по всему Невскому.

Но разстрѣлы продолжались и 25-го и 26-го.

Разстрѣливали людей на Казанской, противъ Пассажа, у памятника Екатерины, у Аничкова моста, на Литейномъ и на окраинахъ. Кареты скорой помощи едва успѣвали собирать и увозить раненыхъ.

Въ эти два дня убитыхъ и раненыхъ оказалось до 400 человѣкъ.

Движеніе разросталось. Уже не было слышно криковъ о хлѣбѣ.

Началась революція.

Правительство поняло опасность и совершенно растерялось. Протопоповъ увидѣлъ, что онъ не Столыпинъ, а ничтожество, и трусливо спрятался.

Въ послѣдній разъ одинъ изъ членовъ правительства, министръ Риттихъ, выступилъ въ Государственной Думѣ, и среди зловѣщаго молчанія пролепеталъ, что продовольственное дѣло передано городской организаціи. Больше словъ у него не было.

Министры скрылись

Государственая Дума, сознавая приближающійся кризисъ, обсудила положеніе и выдѣлила изъ среды депутатовъ совѣтъ старѣйшинъ. Члены совѣта рано утромъ, 26-го, поѣхали къ министрамъ, но не могли найти ни одного.

Въ Государственномъ Совѣтѣ на экстренномъ засѣданіи рѣшили немедля извѣстить о положеніи дѣлъ царя и просить его тотчасъ же отставить негодныхъ министровъ и измѣнить всю внутреннюю политику.

Днемъ 26-го на Моховой, въ квартирѣ предсѣдателя совѣта министровъ, князя Голицына, собрались растерявшіеся министры и не нашли лучшаго исхода изъ положенія, какъ объявить о роспускѣ Государственной Думы.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко былъ тотчасъ оповѣщенъ объ этомъ: «Государственная Дума и Государственный Совѣтъ распускаются съ назначеніемъ срока ихъ созыва не позднѣе апрѣля 1917 г., въ зависимости отъ чрезвычайности обстоятельствъ».

Это произошло въ то время, когда все населеніе Петрограда вышло на улицы, когда пѣніе и крики смѣшивались съ трескомъ пулемета, и въ воздухѣ рѣяли уже красные флаги.

Въ отвѣтъ на извѣщеніе министровъ, совѣтъ старѣйшинъ постановилъ: «Государственной Думѣ не расходиться и всѣмъ депутатамъ оставаться на мѣстахъ».

Въ тотъ же день предсѣдатель Государственной Думы обратился къ царю съ телеграммою: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Ростетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся общимъ довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти по-

добно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца».

Эту же телеграмму Родзянко послалъ Брусилову и Рузскому съ просьбой поддержать обращеніе къ царю. Брусиловъ отвѣтилъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнилъ». Рузскій телеграфировалъ: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнилъ».

Царь сидѣлъ въ ставкѣ и пилъ въ компаніи съ генераломъ Воейковымъ и адмираломъ Ниловымъ. Его увѣряли, что изъ Петрограда не грозитъ никакой опасности, что въ Петроградѣ «вѣрный Протопоповъ».

А въ Петроградѣ уже совершался переворотъ. Творилась революція.

Свѣтлая ночь и день 27-го февраля.

На улицахъ шумѣлъ народъ; непрерывные митинги; непрерывно демонстраціи; нѣніе. И въ то же время ружейные выстрѣлы и трескъ пулеметовъ продолжались до сумерекъ и въ сумерки до глубокой ночи. Все это было стихійно, безъ плана, но уже черезъ нѣсколько часовъ этотъ хаосъ долженъ былъ обратиться въ правильное возстаніе.

Протопоповъ спрятался, Хабаловъ метался. Онъ вызывалъ полки для арестовъ, для усмиреній, для разстрѣловъ. И полки шли, подчиняясь желѣзной дисциплинѣ, не сознавая сущности совершающихся событій. Какъ солдаты, такъ и офицеры не могли представить, что рушится ненавистный всѣмъ старый строй.

Первымъ, постигшимъ сущность происходящаго, оказался Волынскій полкъ. Словно охваченный предчувствіемъ, онъ вдругъ отказался выступить противъ народа, и во главѣ съ однимъ офицеромъ, вырвался изъ казармъ и двинулся къ Таврическому дворцу, гдѣ продолжали засѣдать члены Государственной Думы.

Кто съ ружьемъ, кто безъ ружья, громадной, нестройной толпою двигались волынцы и къ нимъ примыкали одиночные солдаты того или другого полка, пріѣхавшіе съ позицій, вышедшіе изъ лазаретовъ.

Народъ привѣтствовалъ ихъ радостными криками, и славный Волынскій полкъ первый пришелъ въ Таврическій дворецъ и предложилъ свои силы народнымъ депутатамъ. Это была торжественная минута, незабываемая картина.

Снѣжная темная ночь.

Огромный дворъ Таврическаго дворца, наполненный солдатами и народомъ, и на крыльцѣ дворца—потрясенные происходящимъ—члены Государственной Думы съ Родзянкой во главѣ.

— Долой самодержавіе! Мы ваши! Посылайте куда надобно!—раздавались крики и неслись далеко по улицамъ Петрограда въ темнотѣ зимней ночи.

Волынцы показали дорогу. Они первые опредѣлили центръ, вокругъ котораго должны были объединиться возставшіе, и съ этой ночи Таврическій дворецъ сталъ мѣстомъ, куда потекли массы, откуда ждалъ рѣшенія своей судьбы русскій народъ.

Все сосредоточилось въ стѣнахъ Таврическаго дворца, и всю ночь депутаты съ предсѣдателемъ провели въ тревожномъ волненіи, сознавая ту огромную отвѣтственность передъ страной и исторіей, которую они берутъ на себя.

Это была воистину Свѣтлая ночь.

Наступилъ день 27-го февраля. Волынцы и рабочіе знали уже цѣль своего выступленія. Вчерашній хаосъ обратился въ стремительную революцію.

На улицахъ стояли полки, собранные Хабаловымъ, въ боевой готовности. На чердакахъ и крышахъ сидѣли засады полицейскихъ съ пулеметами, собранныя Протопоповымъ.

Готовился жестокій бой.

Предсѣдатель Государственной Думы послалъ

въ ставку повторную телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Отвѣта не было. Царь со своими собутыльниками рѣшилъ, что лучшею мѣрой будетъ послать въ Петроградъ генерала Иванова съ отборнымъ отрядомъ георгіевскихъ кавалеровъ, чтобы онъ временно принялъ въ Петроградѣ диктатуру, въ цѣляхъ водворенія порядка.

А революція уже началась. Толпы безоружныхъ рабочихъ изъ Таврическаго дворца хлынули къ арсеналу, и въ одинъ часъ ворвались въ него, разобрали оружіе, достали патроны и обратились въ революціонное войско.

Затрещали выстрѣлы.

То стрѣляли солдаты. Запылалъ окружный судъ, раскрылись двери тюремъ; во всѣ стороны помчались автмобили и броневики.

Толпы вооруженныхъ рабочихъ захватили автомобили. Другая часть солдатъ и рабочихъ брали телефонную станцію, телеграфъ и почту, занимали вокзалы, а волынцы шли изъ полка въ оплкъ и звали всѣхъ на общее дѣло борьбы за свободу. Гремѣли выстрѣлы, трещали пулеметы, мчались во всѣ стороны автомобили и кареты скорой помощи, и въ то же время къ Таврическому дворцу одинъ за другимъ шли полки, переходя на сторону народа.

Волынцы были первыми, а за ними пришли юнкера артиллерійскаго училища, гренадеры, преображенцы, 9-й запасный кавалерійскій полкъ, 1-й запасный полкъ, желѣзнодорожный баталіонъ, пулеметная рота, автомобильная. Часть за частью.

Государственная Дума должна была принять рѣшеніе: или оттолкнуть народъ, или стать во главѣ движенія и оттолкнуть правительство.

Лѣвыя партіи Государственной Думы уже опредѣленно знали, что надо дѣлать. Къ нимъ

присоединились и ка-деты, но необходимо было, чтобы ихъ возглавлялъ председатель Государственной Думы, а Родзянко оставался въ нерѣшительности. Шли часы. Приходили полки за полками. Все тревожнѣе становилось настроеніе. Наконецъ, убѣжденный Милюковымъ, Родзянко сказалъ:

— Свершилось! Я принимаю.

Изъ среды депутатовъ былъ тотчасъ избранъ Временный Исполнительный Комитетъ, въ составѣ 12 человѣкъ, съ предсѣдателемъ Родзянко во главѣ. Избранными оказались: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенскій, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгинъ, П. Н. Милюковъ, М. А. Карауловъ, А. И. Коноваловъ, И. И. Дмитрюковъ, В. А. Ржевскій, С. И. Шидловскій, Н. В. Некрасовъ, В. Н. Львовъ, и полковникъ Энгельгардтъ, который былъ временно назначенъ командующимъ Петроградскимъ гарнизономъ.

Въ то же самое время въ стѣнахъ Таврическаго дворца быстро сформировался и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, который тотчасъ опредѣлилъ программу дѣйствій солдатъ и рабочихъ.

Полки переходили на сторону народа одинъ за другимъ, но нѣкоторые еще продолжали служить старому строю, и выстрѣлы весь день оглашали улицы Петрограда. Рабочими и перешедшими на сторону народа солдатами была быстро захвачены Государственный банкъ, вокзалы желѣзныхъ дорогъ, телеграфъ и телефонъ, артиллерійскіе парки, броневики.

Пылалъ окружный судъ и Литовскій замокъ. Народъ нападалъ на полицейскіе участки и части и сжигалъ ихъ, уничтожая всѣ полицейскія дѣла. Разгромили помѣщеніе сыскной полиціи, охраннаго и жандармскаго отдѣленій. Дѣла и бумаги бросались на улицу и тамъ сжигались огромными кострами.

День 27-го февраля окончился въ заревѣ пожаровъ, подъ трескъ выстрѣловъ.

Всѣ главные пункты были взяты, за исключенiемъ Зимняго дворца и Адмиралтейства; почти весь гарнизонъ перешелъ на сторону народа; нѣкоторые изъ министровъ рухнувшаго строя были арестованы и приведены въ Таврическiй дворецъ, но большая часть, вмѣстѣ съ Хабаловымъ, еще находилась, частью въ Зимнемъ дворцѣ, частью въ Адмиралтействѣ.

28-го февраля.

Въ этотъ день шла непрерывная стрѣльба, но трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, внезапные залпы и дробь пулеметовъ покрывали громогласные радостные крики «ура» по всѣмъ улицамъ. Повсюду были видны красные флаги, слышалось пѣнiе, толпами ходили радостные люди; весело горѣли подлѣ разрушенныхъ участковъ костры изъ кляузныхъ дѣлъ, изъ обширной полицейской переписки. По улицамъ мчались автомобили съ красными флагами, и едва они показывались, какъ улицы оглашались криками: «ура». Самый видъ автомобилей былъ особенный. Рядомъ съ шофферомъ человѣкъ съ винтовкой, на крыльяхъ автомобиля, въ самой каретѣ—тоже вооруженные люди. Одинъ автомобиль мчится, чтобы выполнить порученiе; другой везетъ арестованнаго сановника; третiй—сестеръ милосердiя для помощи; четвертый—мчится и разбрасываетъ первый листъ долгожданной газеты. Это «Извѣстiя», выпущенныя Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ.

Листы жадно подхватывалъ народъ. Такiе же листы были расклеены на стѣнахъ, и вездѣ стояли кучки народа, внимательно читая первыя точныя извѣстiя. До сихъ поръ все кипѣло. Переносились радостные слухи, вѣсти о побѣдѣ народа, но точнаго положенiя дѣлъ никто не зналъ, и всѣ съ жадностью читали печатныя строки: «Извѣстiя Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депу-

татовъ» № 1, 28-го февраля 1917 г.», и затѣмъ: «Обращеніе къ населенію», похожее на призывный кличъ.

Здѣсь же предупрежденіе противъ грабежей и указанія, что надо сдѣлать для завоеванія положенія, но все уже было сдѣлано.

Тутъ же «Обращеніе отъ Временнаго Комитета Государственной Думы»:

«Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Гос. Думы М. Родзянко».

Люди читали и отходили съ просвѣтленными лицами.

Народъ ликовалъ, но по всему городу все еще гремѣла канонада.

Часть министровъ засѣла въ Зимнемъ дворцѣ, и брали Зимній дворецъ; министръ Григоровичъ и Хабаловъ сидѣли въ зданіи Адмиралтейства, и брали Адмиралтейство; группа офицеровъ и генераловъ засѣла въ гостиницѣ «Асторія», и съ боя брали гостиницу; брали зданіе «Армія и Флотъ», и вездѣ шла непрерывная стрѣльба, къ великому счастью, уносившая мало жертвъ.

Въ различныхъ улицахъ, то здѣсь, то тамъ, вдругъ открывалась предательская стрѣльба изъ винтовокъ и пулеметовъ по радостной толпѣ. Это стрѣляли спрятавшіеся по чердакамъ городовые.

Народъ былъ къ нимъ безпощаденъ. Домъ окружали и въ него врывались вооруженные люди. Иногда на выстрѣлы поспѣвалъ грузовикъ.

съ отрядомъ. Домъ обыскивали, и—горе было стрѣлявшимъ изъ засады.

По улицамъ проходили солдаты съ красными знаменами. Одни шли къ Таврическому дворцу, другіе къ полкамъ, еще не перешедшимъ на сторону народа.

Они станавливались передъ казармами и стрѣляли на воздухъ; затѣмъ повторяли выстрѣлъ, и чѣмъ-то призывнымъ гремѣли эти выстрѣлы.

Запертые въ казармахъ солдаты волновались. Волненіе охватывало роту за ротой. Напрасно осторожные офицеры старались удержать солдатъ. Они хватали винтовки, выбивали двери, бѣжали толпою и, радостные, присоединялись къ товарищамъ, чтобы итти къ Таврческому дворцу.

Таврическій дворецъ кипѣлъ, какъ улей. Въ немъ сосредоточилась вся жизнь страны. Огромный циркульный залъ былъ полонъ народа. Члены Думы не расходились, члены Временнаго Комитета съ 26-го числа не раздѣвались и не знали сна. Въ полночь 27-го они были избраны; тогда же составился и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, и въ короткое время надо было предпринять массу рѣшеній и выполнить массу дѣлъ.

Жизнь кипѣла. Работы хватало на всѣхъ. Приходилъ студентъ и его посылали съ порученіемъ; приходилъ офицеръ, и ему тотчасъ довѣряли отвѣтственное дѣло; являлись рабочіе; приводили арестованнаго министра и его тотчасъ помѣщали въ отведенную для арестованныхъ комнату.

Тамъ уже сидѣли Бѣляевъ, Щегловитовъ, Рейнъ, знаменитый Манасевичъ-Мануйловъ. Въ городѣ искали Протопопова, но онъ скрылся.

Въ то же время въ Таврическій дворецъ приходили полкъ за полкомъ. Изъ Ораніенбаума, изъ Царскаго Села, изъ Павловска, изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей. Прямо съ Балтійскаго вокзала изъ поѣзда пришли Сибирскіе полки, посланные для водворенія порядка. Съ музыкой и развѣвающимся знаменемъ пришелъ Гвардейскій

экипажъ. Члены Временнаго Комитета, по очереди, выходили къ пришедшимъ и говорили привѣтственныя рѣчи, въ отвѣтъ на которыя гремѣло «ура», выносилось на улицы и подхватывалось толпою. На дворѣ все кипѣло. Приходили и уходили солдаты, съ гудѣніемъ подкатывались автомобили, толпался народъ и все кругомъ радостно ликовало.

Незабвенный день клонился къ вечеру. Въ Таврическій дворецъ привозили радостныя вѣсти: Зимній дворецъ оставленъ матросами, перешедшими на сторону народа, и занятъ народомъ. Взята «Асторія».

Измайловцы и солдаты коннаго полка оставили защиту Адмиралтейства, и его заняли, но скрывавшіеся тамъ министры бѣжали.

Побѣда полная! Побѣда революціи!

Генералъ Ивановъ съ георгіевскими кавалерами былъ остановленъ въ пути у Вырицы.

Поздно ночью, 28-го февраля, предсѣдатель Временнаго Комитета извѣстилъ всѣ города, а также командующихъ флотомъ и арміями о совершившемся переворотѣ.

Оставался послѣдній актъ.

Царь находился въ Ставкѣ, царица въ Царскомъ Селѣ.

28-го числа царскосельскій гарнизонъ оставилъ охрану дворца.

Послѣдній актъ.

Переворотъ совершился. Необходимость отреченія царя отъ престола сознавалась всѣми съ перваго дня, но въ общей суетѣ рѣшеніе дѣла откладывалось, и только 2-го марта, въ 3 часа дня, В. В. Шульгинъ и А. М. Гучковъ выѣхали съ Варшавскаго вокзала на свиданье съ царемъ, который находился во Псковѣ.

Они пріѣхали около 10 час. веч. и хотѣли повидать ген. Рузскаго, когда ихъ встрѣтилъ адъютантъ и сказалъ имъ:

— Его величество васъ ждетъ.

Царь находился въ императорскомъ поѣздѣ.

Они вошли въ роскошный, ярко освѣщенный салонъ-вагонъ. Оба четверо сутокъ проведшіе безъ сна нервно утомленные, въ заношенномъ бѣльѣ и простыхъ пиджакахъ. Ихъ встрѣтили баронъ Фредериксъ и свитскій генералъ. Тотчасъ вышелъ царь и любезно поздоровался съ ними. Онъ былъ спокоенъ и пригласилъ ихъ сѣсть около маленькаго стола, указавъ А. И. Гучкову мѣсто подлѣ себя, а В. В. Шульгину—напротивъ. Баронъ Фредериксъ сѣлъ въ отдаленіи. Вскорѣ въ салонъ-вагонъ вошелъ ген. Рузскій, поздоровался, и сѣлъ рядомъ съ Шульгинымъ. А. И. Гучковъ сталъ излагать ходъ происшедшихъ событій и цѣль пріѣзда къ царю.

Для успокоенія страны ему необходимо отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника Алексѣя съ назначеніемъ регентомъ великаго князя Михаила.

Когда Гучковъ окончилъ, царь нѣсколько мгновеній молчалъ, а потомъ заговорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ:

— Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До трехъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу сына. Затѣмъ я понялъ, что разстаться съ сыномъ я не способенъ

Онъ сдѣлалъ паузу:

— Вы это, надѣюсь, поймете.

Потомъ окончилъ:

— Поэтому я рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу моего брата.

Такого рѣшенія не предвидѣли

Шульгинъ съ Гучковымъ попросили нѣсколько минутъ для совѣщанія и послѣ совѣщанія оба согласились на рѣшеніе царя.

Царь всталъ и ушелъ въ сосѣдній вагонъ подписать актъ. Черезъ короткое время онъ вышелъ, держа въ рукахъ листочки небольшого формата.

— Вотъ актъ отреченія. Прочтите.

Они прочли.

На листѣ была слѣва надпись: «Ставка», справа: «Начальнику штаба», подпись была сдѣлана карандашемъ.

Это произошло между 11 и 12 часами ночи 2-го марта.

Этотъ актъ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ на листочкахъ, другой на одномъ листѣ; оба подписаны царемъ, при чемъ одинъ скрѣпленъ подписью барона Фредерикса.

Экземпляръ на листочкахъ остался у ген. Рузскаго, другой Гучковъ и Шульгинъ привезли въ Таврическій дворецъ и сдали въ «надежныя руки» *).

Царь отрекся отъ престола за себя и за своего сына.

Вотъ текстъ этого отреченія:

Актъ.

объ отреченіи государя императора Николая II отъ престола государства Россійскаго въ пользу великаго князя Михаила Александровича.

Ставка. Начальнику штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить на-

---

*) Эти подробности приведены по разсказу В. В. Шульгина.

роду нашему тѣсное единенiе и сплоченiе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженiя побѣды, и, въ согласiи съ Государственною Думою, признали мы за благо отречься отъ престола государства Россiйскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдiе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу, и благословляемъ его на вступленiе на престолъ государства Россiйскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единенiи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденiяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненiю своего святого долга передъ нимъ, повиновенiемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанiй и помочь ему, вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россiйское на путь побѣды, благоденствiя и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россiи.

Николай.

Г. Псковъ.

2-го марта, 15 ч. 3 мин., 1917 г.

Министръ императорскаго двора генералъ-адъютантъ **графъ Фредериксъ.**

Бывшiй царь былъ препровожденъ въ Могилевъ, гдѣ оставленъ подъ охраной.

На другой день была арестована въ Царскосельскомъ дворцѣ и низложенная царица.

Ровно въ 11 час. утра командующiй войсками петроградскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Н. Г. Корниловъ въ сопровожденiи начальника гарнизона Царскаго Села, полковника Кобылинскаго, коменданта Царскаго Села, полковника Моулина, и своего личнаго адъютанта Долинскаго, явился въ Александровскiй дворецъ, вызвалъ

состоявшихъ при бывшей царицѣ гр. Бенкендорфа и Апраксина, и заявилъ имъ, что онъ получилъ приказаніе отъ Временнаго Правительства объ арестѣ Александры Феодоровны.

Бенкендорфъ и Апраксинъ препроводили генерала Корнилова во дворецъ.

Черезъ двѣ минуты вышла низложенная царица.

Генералъ Корниловъ объявилъ ей, что она арестована.

На глазахъ бывшей царицы появились слезы. Она забилась въ истерикѣ.

Генералъ Корниловъ распорядился также и объ арестѣ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Александру Феодоровну.

Ко дворцу приставлены были части гарнизона, на которыя возложена была охрана дворца.

Слѣдомъ за отреченіемъ царя послѣдовало и отреченіе Михаила Александровича.

Когда Временный Комитетъ Государственной Думы явился къ нему въ полномъ составѣ и объявилъ ему объ отреченіи царя въ его пользу, Михаилъ Александровичъ заявилъ, что безъ одобренія народа онъ не считаетъ для себя возможнымъ принять престолъ.

Послѣ этого онъ написалъ актъ отреченія и передалъ его М. В. Родзянко.

Такъ окончилось царствованіе Николая II, а съ нимъ и династіи дома Романовыхъ.

По странному совпаденію царствованіе дома Романовыхъ, началось съ Михаила и закончилось отреченіемъ Михаила.

Послѣдующіе дни.

Переворотъ совершился. Еще 2-го марта кое-гдѣ по городу раздавались выстрѣлы; еще шли аресты, метались по городу автомобили; еще не выходили газеты и не началось движеніе трамваевъ, но въ городѣ уже чувствовалось спокойствіе.

На каждомъ углу стояли добровольцы-ми-

лиціонеры и слѣдили за порядкомъ. Банки уже съ 28-го числа открыли свои операціи, магазины начали торговлю и работали кинематографы.

Въ Таврическомъ дворцѣ кипѣла та же лихорадочная работа.

Временный Комитетъ рѣшилъ образовать Временное Правительство, для чего выбралъ министровъ исключительно изъ лицъ, пользующихся широкимъ общественнымъ довѣріемъ.

3-го марта въ «Извѣстіяхъ» были опубликованы—составъ новаго Временнаго Правительства:

Новое Правительство.

Исполнительный Комитетъ Государственной Думы объявляетъ слѣдующій составъ новаго Правительства:

1) Кн. Г. И. Львовъ—предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ; 2) П. Н. Милюковъ — министръ иностранныхъ дѣлъ; 3) А. Ф. Керенскій—министръ юстиціи; 4) Н. В. Некрасовъ—министръ путей сообщенія; 5) А. И. Коноваловъ—министръ торговли и промышленности; 6) Проф. А. А. Мануйловъ—министръ народнаго просвѣщенія; 7) А. И. Гучковъ—военный министръ и временно морской; 8) А. И. Шингаревъ—министръ земледѣлія; 9) М. И. Терещенко — министръ финансовъ; 10) В. Н. Львовъ—оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода; 11) И. В. Годневъ—государственный контролеръ; 12) Ѳ. И. Родичевъ—министръ по дѣламъ Финляндіи.

Первый порывъ революціи промчался, разметавъ обветшалый строй и разрушивъ до основанія царскій тронъ, чтобы на его обломкахъ создать царство свободы, равенства и братства.

6-го марта городская жизнь приняла нормальное теченіе. Двинулись трамваи, на улицахъ появились извозчики, вышли газеты, полныя описаній событій и радостно привѣтствовавшія великій переворотъ.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 50 коп.